

Как же освежает!

Я шёл по тихому коридору, мысленно возвещая звонок, который уже прозвенел. Выражения лиц трёх ошарашенных людей были просто комичны. Ну как можно быть настолько забавными?

Эти узколобые, глупые идиоты, должно быть, вообразили, что я присоединюсь к их пересудам за моей спиной, стану таким же жалким статистом, как Пак Дончоль, и начну подлизываться. Как глупо. Я ни за что не пойду по этому пути. Повторю ещё раз: моя гордость не умрёт никогда. Даже если я умру сам.

— Ха, так им и надо.

Я мысленно поблагодарил Шин Джэхена. Хотя я не разделял его ценностей, именно он первым указал мне на возможность всё отбросить. Шин Джэхен странно подозрителен, но всё же одно ясно: он умнее и добрее, чем я думал.

Я решил интерпретировать его слова по-своему, чтобы лучше его понять. Вывод, к которому я пришёл: «отбрось, прежде чем отбросят тебя». В сущности, это одно и то же. Идея никого не выбирать, чтобы в итоге выбрать кого-то, игнорирует отчаянное желание быть выбранным.

И тут же всплыло то старое, предательское замечание из времён моего восемнадцатилетия.

— Пиявка, что присосалась к тихоне и не отлипает.

Тьфу, мерзость.

Чего ещё можно было ожидать от этих идиотов, которые, даже руки после туалета не помыв, с наслаждением топчут человека, лежащего на разделочной доске, и при этом смакуют сигареты?

Кажется, я начинаю понимать, почему Шин Джэхен так уверен в себе. Он не чувствует вины. Когда нет конфликта, нечего и тащить за собой. Я прочистил мысли, словно глотнул свежего воздуха. Надо было сделать это раньше. Я остановился и поднял взгляд чуть выше.

Класс 1-3.

Я молча закрыл глаза и обдумал это.

Все говорят: последние годы старшей школы это время выбора. Сейчас нужно определить предметы, в которых я силен и которые мне даются тяжело, и углубиться в них. Другими словами, я должен выбрать предметы, которые помогут мне, и отбросить те, что бесполезны. Я

отгородился от всего вокруг и сосредоточился на предметах, требующих внимания и концентрации.

По моим меркам, Ёхан был предметом, который мне не нужен. Я тихо усмехнулся в пустом коридоре.

— Ха-ха, забавно. Правда.

Я уверенно поднял голову и зашагал бодро. Да, Кан Джун. Теперь твоя очередь идти по пути взросления. Передо мной вступительные экзамены в колледж и концентрация. Ёхан просто предмет, который нужно выбросить. Никаких сожалений. Да, я должен выбросить его ради своего будущего, ради своей праведной жизни.

Полный энергии, я открыл дверь класса. Низкие голоса смолкли, и взгляды, чуть более взрослые, чем мои, обратились ко мне.

— Ты где был?

— Извините. Я ходил в компьютерный класс по просьбе классного руководителя.

— Классного руководителя? Правда?

— Да.

Недоверчивый взгляд скользнул по моему телу и быстро исчез.

— Что ж, Джун не стал бы врать. Садись.

— Да, извините за опоздание.

Я слегка поклонился и снова поднял голову. Взгляд мой, естественно, устремился в сторону Ёхана. Это был инстинкт. Люди обращают взгляд к тому, что им нравится. И только встретившись с этими мрачными глазами, я осознал собственное высокомерие.

«— Концентрация и выбор. Есть два типа: либо углубляешься в предметы, в которых силён, либо сосредотачиваешься на исправлении тех, в которых слаб.»

Слова репетитора быстро пролетели в моей голове.

«— Но ты, Джун, кажется, цепляешься за идею стать лучше в том, в чём ты плох. Это просто пустая трата времени.»

— ...

Я медленно опустил веки, взгляд упал на пол. Шаги замедлились. Чёрт. И я снова понял, что я тот трус, которому, чтобы убежать от любви, нужно найти другую любовь. Моё разочарование потекло, словно горный ручей, прорвалось сквозь трещины настоящих чувств и превратилось в безбрежный океан.

— Эту задачу... решит Ёхан.

— Да.

Ёхан. Моя рука, неловко сжимавшая механический карандаш, слегка дрожала. Как я могу что-то делать, если меня бросает в дрожь от одного его имени? Забыть Ёхана? Смешно. Как я вообще мог такое сказать? Так как же забыть? Какую идиотскую ерунду я буду делать, чтобы дистанцироваться от его странного поведения?

При каждом движении Ёхана кончики моих пальцев вздрагивали. Наконец, когда Ёхан проходил мимо меня, слабый запах мыла коснулся меня, и я почувствовал, как сердце ухнуло вниз.

Тук-тук - звук мела, царапающего доску.

Я смотрел на спину Ёхана затуманенным взглядом.

Естественно, вспомнился его отец. Высокая фигура, длинное пальто, кожаные перчатки... Добрый, но порой строгий голос, с изысканными интонациями и неповторимым спокойствием. Ёхан вырастет в такого мужчину. Его большие руки, с выступающими венами, рисовали на доске белую линию.

— Ах, да... верно. Молодец, Ёхан.

Я зажмурился и подумал о ком-то другом. Я и не знал, что мне в конце концов понравятся парни, поэтому понятия не имел, как справляться с любовью. Я нашёл единственное убежище, куда мог сбежать. Как тогда я искал Ёхана, чтобы сбежать от Хан Джун У.

Я снова перевёл взгляд на звук мела. Так что же мне делать? Как найти свой собственный путь? Думаю, мне стоит пока завязать с любовью. Такой подход с самого начала был неправильным.

Я всегда это говорил.

Да, я всегда выбирал неправильный путь. Мои мысли мечутся сто раз на дню. Я постоянно сталкиваюсь с воображаемым собой и настоящим собой. Только что настоящий я убил

воображаемого.

— ...

Я отчаянно уставился в угол. Концентрация и выбор. Да, мне нужно сосредоточиться и выбрать. Если я смогу найти самый комфортный для себя путь, он, естественно, окажется кратчайшим, который знаю только я.

— Я решил задачу.

— Дай посмотреть. Ах, да. Это правильно. И это тоже правильно.

Мой взгляд упал на светло-каштановые волосы. Шин Джэхен. Он был высоким, с приятным лицом, его оценки были лучше, чем у Ёхана, а семья достаточно богата, чтобы отправить его учиться за границу. Мне претило, как работает мой мозг. Но я должен был это сделать. Ради поиска своего идеала.

Я заставил себя думать. Так, Шин Джэхен. С ним всё должно быть в порядке, да? Если я дурак, который не может покончить с любовью, давайте просто двигаться дальше. Я сделаю это тайно, чтобы Ёхан не узнал, пока не найду новый путь. А после выпуска просто выброшу Ёхана.

— Ты занимался по программе?

— Нет.

Надменный голос Ёхана прервал мои мысли. Я заставил себя смотреть на светло-каштановые волосы Шин Джэхена. О нет. Никаких эмоций не должно возникать. Моя надежда рушится.

Нет. Я отчаянно сжал ручку в руке. Я заставлю себя полюбить Шин Джэхена. Я смогу. Я сделал это с Хан Джун У, хотя это сводило меня с ума. Я снова буду дураком и тайно влюблюсь. А потом всё выброшу. Шин Джэхен должен быстро надоесть. В конце концов, я всегда думал, что любовь это не то, что нужно в моей жизни. Как бы сильно мне ни нравился Ёхан, он не стоит того, чтобы рисковать из-за него жизнью.

— Правда? Я заметил, что твои оценки немного упали. Лучше бы занимался усерднее.

— ...Ах, да.

Я отчётливо слышу голос Ёхана, полный раздражения. Когда он уходит, я быстро поворачиваю голову и утыкаюсь в парту. Мне нужно думать о реальности. Кан Джун. Давай придерживаться твоего плана. Думая так, я заметил бледную руку, вошедшую в поле зрения. Два тонких пальца бросили скомканную записку на мою парту.

Если я не прочитаю её, он, наверное, устроит сцену. Мои колебания были недолгими. Я ненавидел разбираться с последствиями. Думаю, придётся прочитать. Решение пришло быстро. Дрожащими руками я развернул записку. Острая боль пронзила грудь, будто кто-то вонзил нож в сердце.

«Могу я зайти к тебе сегодня?»

Почерк Ёхана был ужасен. Но он был таким сильным, что чернила почернели на концах букв. Казалось, он приложил все усилия, чтобы сделать его аккуратным. Буквы были даже разного цвета. Записка была топорно-эстетичной, а в конце был нарисован какой-то странный цветок.

— ...!

Моё сердце ухнуло, словно по нему ударили молотком. Я поспешно снова смял записку. Затем поднял голову и заставил себя смотреть на спину Шин Джэхена. Заметив мой взгляд, Шин Джэхен нахмурился и повернулся. Я не отвёл взгляда. Я просто посмотрел ему в глаза. Как обычно, я тонко улыбнулся, прищурившись.

Мне не было страшно, сердце не колотилось, не дрожало. Этого было достаточно.

Ладно. Буду любить Шин Джэхена. Как всегда, влюблюсь в него, а потом брошу. Сделаем то же самое с Го Ёханом. С сегодняшнего дня таков план. Кажется, Го Ёхан не особо полезен для моей жизни. Он, как заржавевший гвоздь, глубоко вонзившийся в бетонную стену.

Я принял решение.

Оставлю текущую ситуацию как есть, но буду любить Шин Джэхена. Продолжу использовать людей, как всегда. Я лучший в обмане. В этом Го Ёхан не мог меня превзойти. Моя ложь никогда не была такой же импульсивной, как его; она была долгосрочной и практичной.

Самая сладкая приманка для Го Ёхана - это ответ на записку. Лучше, если он будет положительным. Нет, он просто обязан быть положительным. Ради моего гладкого пути. Ради моего социального положения я не должен упускать эту возможность. Некоторые могут счесть странным быть таким зацикленным на таком пустяковом «пути», когда до колледжа рукой подать, но я не могу просто это отпустить.

Честно говоря, мне страшно. Меня тошнит от сотен рыбьих глаз, смотрящих на меня свысока. Ненавижу атмосферу, где я исключён из каждой группы. То тонкое презрение, которое я всё ещё чувствую каждый раз, проходя мимо центральной лестницы, постепенно подтачивает мой рассудок.

Несмотря на эффектное возвращение в центр внимания, Кан Джун опустился до уровня «парня, который чуть не погиб, связываясь с Го Ёханом».

По иронии судьбы, меня защитил Хон Хвиджун. Но даже это доказывало, что я не бесполезный, беспомощный человек. Тем не менее, осторожность не помешает. Я не просто подавил Хон Хвиджуна; я стал дураком, который прогнал зло, рассказав маме. Мои достижения были запятнаны богатством семьи.

Я ткнул незакрытой ручкой в тыльную сторону ладони, точно вдавливая тонкую кожу между указательным и большим пальцами. Болело бы сильнее, если бы я нажал острым наконечником, но тогда было бы видно, что я мучаю себя, так что я воздержался от этой глупости.

— ...

Я давил всё глубже, вдавливаясь в мягкую кожу. Наконечник ручки впился в плоть, углубляясь в складки. Кожа треснула. Когда боль в нижней части живота наконец стала менее интенсивной, я повернул ручку, снова нажал и отвёл.

Красный след в складках кожи - вот что осталось. После того как я уставился на него, я отвинтил колпачок ручки, точнее оружия, оставившего синий след на моей руке.

Щелчок был резким звуком, раздавшимся в тишине. К этому времени ученики в классе уже решили пять задач, которые раздал учитель. Школа давно отказалась от учебника. В конце концов, кто в этом классе не знает, что в учебнике? Следующие слова учителя были: «Купить сборник задач такого-то издательства». Это была книга, лежащая на моей парте. Это была не государственная книга, а книга частного издательства, которая стала нашим классным учебником. Я осторожно оторвал уголок фальшивого учебника. Немного поколебавшись, я надавил ручкой на оторванную бумагу.

«Да, конечно».

Отведя ручку, я подумал: «А нормально ли это?» Но выбора нет. Если бы можно было избежать всего, просто захотев, это был бы не Го Ёхан. Причина, по которой я отправил эту записку сегодня, тоже ясна. Ёхан знает. Он знает, что сегодня у меня только частные уроки.

Пока учитель сидел, сгорбившись над ноутбуком на кафедре, я повернулся и передал скомканную бумагу сидящему позади. Поскольку я сижу в середине класса, а Ёхан, самый высокий парень в школе, сидит сзади, у меня не было другого выбора, кроме как отправить записку так. Сидящий позади парень с любопытством посмотрел на меня, и я беззвучно прошептал, едва шевеля губами:

— Передай Го Ёхану.

Затем я выпрямился и взглянул на новый путь к бегству. Задания, которые дал учитель, больше не были моей заботой. Тогда, когда я ещё был в стоптанных тапках, всё, что я мог делать, это уткнуться в парту и решать задачи.

Задания, которые у меня сейчас, испачканы чернилами маркера. Пока одноклассники мучились над задачами, а другие, как и я, закончив подготовку, перешли к другим упражнениям, я странным образом думал о затылке человека, который мне даже не нравится.

Какой у него номер телефона?

Во время уборки ощущалось чьё-то тревожное присутствие. Это присутствие - не кто иной, как Го Ёхан.

Я должен был заметить, когда распределяли зоны уборки. Он вызвался на то, чего никто не хотел делать, а именно мыть окна, но в итоге просто не явился. Честно говоря, я никогда не видел, чтобы Го Ёхан делал уборку как следует. Я пытался игнорировать его, подметая пол веником, но, оглядываясь на прошлое, я очнулся.

— Эй, Го Ёхан.

Я сказал это максимально ласково, насколько мог, чтобы не вызвать подозрений.

— Если ты не собираешься ничего делать, зачем вообще вызвался на уборку?

— Что?

— Ты сказал, что будешь мыть окна. Но ты просто сидишь и ничего не делаешь.

— Ах...

Го Ёхан сидел на подоконнике, просто наблюдая за классом. Поскольку он не мешал ничьей учёбе, другие, казалось, были довольны, поглядывая на него, но сосредотачиваясь на своих делах. Почему-то именно мне пришлось с ним разбираться. В этом не было ничего странного, в конце концов, я всегда был тем, кто его осаживал. Просто, учитывая наше прошлое, было немного неловко. Другие, должно быть, тоже нашли наш разговор странным.

Ёхан усмехнулся на мои слова, затем указал на солнце, потом постучал по слегка грязному окну и продолжил.

— Разве ты не знаешь?

— Что?

— Неужели ты, лучший ученик, не знаешь элементарных вещей? Это стерилизация. Солнце стерилизует.

— Это элементарные вещи?

Я онемел от абсурдности его заявления. Он заметил моё недоверие и, обрадовавшись ещё больше, продолжил нести свою чушь.

— Ты, наверное, никогда толком и не убирал? С таким отношением, что ты понимаешь?

— Эй... Что значит «стерилизовать окна солнечным светом»?

— Не знаешь? Если не подвергать окна достаточному количеству солнечного света, образуются микробы.

— Что за чушь? Если бы это было правдой, мы бы стерилизовали окна каждый день.

— Вот именно. Так что, если я протру окно мокрой тряпкой, там вырастут бактерии, верно? Если оставить в покое, оно само простерилизуется. Так что лучшая уборка это вообще не трогать.

— Что за бред...?

Каждый раз, когда он отвечал, его остроумные ответы заставляли меня замолкать. Я не мог найти, что возразить. Я никогда не видел, чтобы кто-то с такой уверенностью нёс столь нелогичную чушь, и именно поэтому я никогда не мог победить в споре с такой чепухой. Звучало как бред, но он излагал это так, что это казалось почти логичным. После минутных размышлений я сдался. Ладно, только голова болеть начинает.

— Судя по твоему выражению лица, думаю, ты понял.

— Я сдался на попытке понять.

— Сдался? Сдаться это первый шаг к принятию другого мировоззрения. Если ты в плену предрассудков, никогда не сможешь понять другого человека.

— Ты... ты нечто.

— Я?

— Кто научил тебя этому?

По крайней мере, в тех семьях, которые я видел, не было таких психопатов. Кто, чёрт возьми, научил Ёхана быть таким? Как только я это сказал, Ёхан слегка напряг лицо и замолчал.

Атмосфера накалилась. Тут я понял свою ошибку.

— О, я оговорился. Пожалуйста, сделай вид, что не слышал.

И тут я огляделся.

— ...Правда, извини.

Как только я это сказал, несколько человек повернули головы, с любопытством глядя на нас. Я в самоуничтожении закусил губу. Моя голова снова оказалась под пятой Ёхана. Жалкий Кан Джун.

— Мир...

— А? — Я удивлённо поднял голову.

Ёхан стоял, повернувшись ко мне спиной, залитый солнечным светом, и выражение его лица было слегка печальным. Чёрт. Должно быть, я действительно сказал что-то не то. Ледяной нож, казалось, пронзил мою голову. Передо мной снова возник тот Ёхан, каким я видел его в день ошибки. Мои шаги, полные сожаления и стыда, сделали один шаг к Ёхану. И как раз когда я собрался сделать второй...

— Мир сделал меня таким.

— ...А?

Он серьёзно? Не зная, что ответить, я просто уставился на него. Брови мои отяжелели и опустились. Ёхан, с несколько задумчивым лицом, смотрел в пустоту, а затем перевёл взгляд на меня. Затем, неожиданно, он глубоко вздохнул и начал улыбаться.

Какого чёрта? Я выпрямил тело, которое наклонилось к нему. Ёхан покосился на меня и усмехнулся своей обычной игривой усмешкой.

— А, какая разница. Не от кого это принять, так что скучно.

Пока я тупо смотрел на него, он неловко почесал затылок, затем поднялся с подоконника и сказал.

— Уборка закончена.

— ...Это всё? Правда?

— Конечно, правда. Когда ты видел, чтобы я врал.

Затем он подошёл к своей парте и взял рюкзак. Его знакомый рюкзак висел на одном плече. Когда я посмотрел на него с сомнением, Ёхан ответил, пожав плечом. Затем он быстро перешагнул через веник и направился к моему месту, схватив мою сумку.

— Эй, что ты делаешь?

— На что похоже? Мы идём домой.

Затем он начал без разбора запихивать в мою сумку ручки и другие вещи со стола. Буквально всё, что было на столе, отправилось в сумку. Наконец, он повесил мою сумку на другое плечо и засунул руки в карманы. Надменные губы Ёхана приоткрылись.

— Пошли.

Пока я стоял, держа веник, Ёхан длинными ногами подошёл прямо ко мне. Затем он взял у меня веник из рук. А? Пока я был отвлечён, Ёхан уже отошёл в конец класса и засунул веник в шкаф для уборочного инвентаря.

— Эй, зачем ты его туда положил?

— Какая разница? Давай, пойдём.

К этому моменту мне нечего было больше сказать. Я незаметно оглядел атмосферу в классе. Другие, казалось, были совершенно не заинтересованы и громко заканчивали свои дела.

При таком настроении, думаю, можно уйти. Мои нерешительные шаги направили меня к Ёхану.

Затем я внезапно осознал, что у меня была та самая дилемма, которая бывает у «лишних» деток среднего звена. К сожалению, это осознание полностью исчезло в тот момент, когда Ёхан заговорил, проводя пальцем по моему затылку.

— Ах, ты хороший ребёнок.

С этими словами он притянул меня к себе, обхватив одной рукой за плечо. Меня автоматически затянуло в тёплую тюрьму лжеца. Такое чувство, будто меня засасывает в непреодолимую чёрную дыру. Когда я уже незаметно поглощался Ёханом, меня вытащил из болота тот, кого я совсем не ожидал.

— Джун, ты уходишь сейчас?

Робкий голос позвал меня. Я обернулся и увидел классного руководителя, которая улыбалась, небрежно откидывая чёлку в сторону. Рука, убравшая чёлку, легко дрожала в воздухе. Казалось, жест откидывания волос подзывал меня.

— Не мог бы ты подойти на минутку?

— А?

— Тебе нужно кое-что получить от меня.

— Получить... ах, да.

Я инстинктивно огляделся и мягко отвёл руку Го Ёхана. Словно тяжелый камень свалился с плеч, стоило одному из его рук исчезнуть. Прежде чем направиться к учительнице, я быстро взглянул на лицо Ёхана. Он беззвучно шевелил губами.

«Что ей нужно?» — спросили его губы.

Я легонько отмахнулся, показывая, что ничего страшного, и быстро пошёл к учительнице.

— Похоже, ты как раз собирался уходить. Я так долго ждала, что пришлось идти самой.

— Извините, я в последнее время сам не свой...

— Да, наверное, такое бывает. Держи.

— Спасибо...

— Не благодари. А теперь иди. Ёхан, наверное, ждёт.

— Да, увидимся завтра.

— Ага, до завтра.

Маленькая рука учительницы хлопала меня по плечу, и я грубо сложил серый листок бумаги, который она мне дала, прежде чем засунуть в карман. Когда я повернулся и вернулся к Ёхану, его взгляд не отрывался от моего кармана.

— Что это?

— Это? Да так, ерунда. Просто записка на ранний уход.

— Зачем?

— Ах, завтра мне нужно в больницу, и я могу немного опоздать, так что на всякий случай взял.

— В больницу?

Ёхан слегка скривил лицо. Что такого? Я поднял правую руку, чтобы показать ему.

— Моя правая рука иногда немного болит.

Даже Ёхан, наверное, не станет дальше допытываться. Как и ожидалось, он издал «Ах» и почесал затылок длинными пальцами. Казалось, это был его способ выразить некоторое смущение или неловкость. К счастью, Го Ёхан не стал больше задавать вопросов.

Всё было как раньше. Го Ёхан, как и в прошлый раз, лежал на кровати, пока у меня шёл урок. Чувствуя себя неловко, я в итоге стал оправдываться, хотя репетитор и не спрашивал. Так же, как тогда.

— Мой друг сказал, что скоро уйдет, но каким-то образом мы остались вместе... Это ничего?

— Если тебе не мешает. Домашнее задание сделал?

— Да.

Студента колледжа, который даже не был профессиональным репетитором, а согласился преподавать только потому, что учился на бизнес-программе университета Корё, это, похоже, не особо волновало. Я, в свою очередь, не беспокоился о нём так, как школьные учителя, которых волнуют оценки.

После того как репетитор ушёл, Го Ёхан остался у меня дома до ужина, даже напевая что-то себе под нос, пока рылся в моих вещах.

— Ты не выбросил мои книги?

— Ты говоришь о тех странных комиксах?

— Нет. Но да.

— ...

Ёхан вытаскивал вещи, которые я намеренно запихнул во встроенный шкаф, те, которые не хотел видеть. Затем он разбрасывал эти вещи по моей комнате, оставляя их на виду, а я тихо вздохнул.

— Забери их сейчас, если хочешь.

— Книги? Или одежду? Или игровую приставку?

— Игровую...

Я замер на мгновение, потеряв дар речи. Здесь была ещё и игровая приставка? И где он её вообще оставил?

— ...Забирай всё.

После некоторых колебаний я сказал это твёрдо, как бы убеждая самого себя. Я должен был это сказать. Стереть присутствие Ёхана было главной задачей, которую мне нужно было решить, чтобы удалить его из своей жизни.

— Почему мой дом должен быть твоим складом?

Естественно, я ожидал, что Ёхан начнёт спорить. Таким я его представлял в голове. Но настоящий Ёхан ответил на удивление просто.

— Ладно, понял. Тогда я буду брать по одной каждый день, да?

— ...

Его слова, сказанные с этой прищуренной усмешкой, были такими неискренними. Так вот что он задумал, да. Под этим предлогом Го Ёхан, наверное, будет врываться в мой дом каждый день. Один раз впустить его было ошибкой. Я сел на стул за столом, размышляя о своей ошибке. Честно говоря, я не стал дальше спорить. Я мог бы сказать: «Ну, ты же всё равно живёшь по соседству, просто забери всё сразу», но не сказал.

Это тоже было из-за моей привычки не быть твёрдым с Ёханом. Тысячи отказов крутились в голове, но я не произносил их вслух из страха снова ошибиться.

В конце концов, вид Ёхана в белой летней форме, обнажающего бледные предплечья, когда он трогал вещи в моей комнате, испытывал мои пределы. Каждый раз, когда он поднимал руку, ненароком мелькала его талия.

Лучше бы Кан Джун умер. Лучше бы я умер.

Я опустил голову, чтобы перестать так думать. Затем заметил серый клочок бумаги, торчащий из кармана. Наблюдая за Ёханом, лежащим на моей кровати с закрытыми глазами, я, с чувством отчаяния, достал его. Это действительно была записка на ранний уход. Но гораздо важнее была информация, написанная на обратной стороне.

Всего несколько часов назад я попросил классную руководительницу об одолжении. Сказал, что у меня болит правое запястье и я хочу сходить к ортопеду. Она с радостью согласилась, а затем я быстро снова позвал её.

— Эм, учитель... Можно попросить ещё кое о чём?

— Ещё об одном? О чём? Если тебе нужно, я сделаю.

— Ну, если я опоздаю, могу пропустить домашнее задание или материалы к тесту...

— Мне попросить кого-то другого передать тебе материалы?

— Нет, не в этом дело...

Я намеренно растягивал слова, глядя в пол и скрещивая ноги.

— Просто...

И когда я медленно поднял голову, на лице учительницы было слегка обречённое выражение. Я подумал про себя: «Сработало». Я склонил голову ниже, чтобы скрыть улыбку. Со стороны, наверное, казалось, что я вот-вот заплачу. И это было ещё лучше.

— Меня в последнее время не очень-то любят одноклассники...

— ...

Как и ожидалось, учительница, похоже, что-то поняла. В конце концов, инцидент в лаборатории, должно быть, уже разошёлся по учительской. И зная, что учительница вмешивалась в историю Хан Джун У и Хан Тэсана, это имело смысл. Я снова замолчал, понижая голос. Учительница наклонилась ближе, внимательно слушая. Хорошая учительница.

— Так что, можно ли мне попросить кого-то другого помочь мне? Это возможно?

— Ну, конечно... Кого? Скажи, я никому не скажу.

Интересно, сказала ли она то же самое Хан Тэсану? Наверное, да. Тогда, должно быть, Хан Тэсан указал на меня. Я не мог сдержать усмешки. Я был в точно таком же положении, что и Хан Тэсан. Ситуация немного отличалась, но да, я добровольно оказался в этом месте. Я открыл рот, изображая колебание, и сказал голосом, как бы ищущим одобрения.

— Джэхен... Он очень хороший.

— Джэхен?

— Он помогает мне, когда я плохо ем...

— Ах, теперь понятно...

Только это и нужно было сказать. Вопрос о Шин Джэхене, вероятно, был решающим. Поэтому я нарочно вёл себя более жалко, преувеличивая ситуацию и превращая себя в жертву. Мне не было стыдно. Это были просто инвестиции в будущее. Чем жалче я буду выглядеть в глазах учителя, тем лучше. Учителя снисходительнее к слабым.

Честно говоря, моё запястье вовсе не болело. Моя настоящая цель была иной.

Награда за моё притворное страдание. Я посмотрел на бумагу в руке, затем на Ёхана, лежащего на кровати. Его дыхание было неровным. Очевидно, он притворился спящим. Я оставил шутивную просьбу о наблюдении висеть в воздухе и сосредоточил взгляд на уголке серого листка.

<Шин Джэхен 010-xxxx-xxxx>

<http://bllate.org/book/12586/1663988>